

Повторяющиеся чтения как лингвистический источник

От XII в. сохранилось около десятка написанных древнерусскими писцами больших книг, содержащих евангельский текст в составе и композиции полного апракоса. Спецификой последнего, делающей его особенно важным и своеобразным лингвистическим источником, является повторение некоторых текстов по два и более раз. Нам известно до пяти повторений в одной и той же книге, написанных даже одним и тем же писцом.

Сам памятник имеет длительную историю бытования у славян, в том числе на Руси. Благодаря этому его многочисленные списки отражают языковые напластования разных местных диалектов и разных эпох в развитии языка и имеют важное значение для истории не только русского, но и других славянских языков. Параллельные чтения, повторно и по несколько раз представляющие один и тот же текст в одной и той же рукописи (а не только в списках памятника, содержащихся в многочисленных древних рукописях), особенно интересны для историка языка. Как правило, они восходят либо к первому переводу Кирилла, осуществленному в 863 г. или незадолго перед этим, либо к переводу так называемых комплекторных частей, дополнявших апракос Кирилла до тетра. (Перевод полного тетраевангелия, в котором текст представлен в последовательности четырех евангелистов — Матфей, Марк, Лука, Иоанн, — как полагают, был выполнен обоими братьями позже, в 860-е годы или даже между 869 и 885 гг., т. е. после смерти Кирилла, одним Мефодием с учениками.) Таким образом, для каждого отдельного текста в подавляющем большинстве случаев можно предполагать один перевод, т. е. один

протограф: либо первый — апракосный, либо второй — тот, который дополнил первоначальный апракос до тетра. Следовательно, расхождения, которых множество даже в повторяющихся текстах одной и той же рукописной книги, а не только в разных рукописях евангелия, появились в них главным образом в процессе бытования на славянской почве: при многократных переписках в разное время и в разных землях, в составе разных книг (тетра, краткого апракоса, праздничного или воскресного апракоса и полного апракоса). Исключение, может быть, составляют немногочисленные чтения, повторявшиеся уже в кратких апракосах (если Кириллом был переведен краткий, а не праздничный апракос): в случаях, когда переводчик почему-либо не соотносил повторно написанный текст с переведенным ранее, он должен был переводить повторявшийся текст заново и мог при этом использовать языковые средства, отличавшиеся от языка первого перевода того же отрывка. Следовательно, имеются убедительные основания для того, чтобы видеть в различиях повторяющихся чтений в одной и той же рукописи в основном проявление воли последующих писцов и редакторов, их сознательное или не вполне осознанное стремление выразить тот же смысл (т. е. передать тот же текст) более понятными или более свойственными этому писцу языковыми средствами. Для примера рассмотрим Мстиславово евангелие 1115—1117 гг. (далее — Мст.), написанное для сына Владимира Мономаха — новгородского князя Мстислава Владимировича, княжившего в эти годы в Новгороде.

Текст М. VI 5 написан в Мст. три раза: во вторник 14 (15) недели по пятидесятнице, л. 62б (ниже это — первый стб.); 2 января, 183в (средний стб.); 19 июня, 198в (третий стб.). В этих трех чтениях нет ни текстологических различий, ни бросающихся в глаза лексических, состоящих из слов разных корней; во всех трех чтениях передается одна и та же мысль, но при этой многопланной общности обнаруживается множество различий в языке:

и не можааше тоу	и не можааше тж	и не може тоу
ни кдиною силы	ни кдиною силы	сътворити
сътворити.	сътворити.	ни кдиною силы.
нъ тькмо	нъ тькь мо	нъ тькмо

малонедужникъ	на малѣ недоуж-	на малонедоуж-
	ныхъ	ныхъ
възложъ роуцѣ	положи роуцѣ.	възложи роуцѣ
ищѣли.	и ищѣли я.	и ищѣли.

Итак, во всех трех чтениях передан один и тот же текст. К первому переводу он не восходит, так как его нет даже в кратких апракосах, а не только в воскресных или праздничных апракосах (последние, хотя и дошли до нас единично и только в списках XIII—XV вв., возможно, восходят к самому древнему переводу). Таким образом, рассматриваемый текст М. VI 5 появился на славянской почве не изначально, а позднее, т. е. при переводе тетра. Следовательно, в приведенных выше трех чтениях одной и той же рукописи не должно быть различий, восходящих к первому переводу, с одной стороны, и к повторно переведенным (вероятнее — отредактированным) для комплекторных частей, с другой стороны. Однако вместо ожидаемого единства в трех приведенных чтениях имеется множество различий, причем особенно важно, что последние перекрещиваются, а не противопоставляют чтения (в нашем случае — столбцы).

В первой строке различие в глагольных формах (имперфект — имперфект — аорист) и в графике (оу — ж — оу).

Вторая и третья строки демонстрируют разный порядок слов (в первых двух столбцах дополнение предшествует сказуемому, в третьем — сказуемое предшествует прямому дополнению).

В четвертой строке различие связано с переносом.

В пятой строке представлено несколько планов различий. А именно, в плане грамматическом: беспредложная форма — предложная конструкция — предложная конструкция; прямое дополнение в форме вин. пад. множ. числа — косвенное дополнение в местном пад. с предлогом *на* — прямое дополнение в форме вин. пад. множ. числа с предлогом *на*. В плане лексико-грамматическом обнаруживаются такие ступени различий: существительное — краткое прилагательное + субстантивированное полное прилагательное — субстантивированное полное прилагательное; сложное слово — два самостоятельных слова — сложное слово. Здесь же снова различия

в графике: ж — оу — оу; по содержанию они те же, что и в первой строке, но одна и та же буква — ж — представлена не в том же столбце, что в первом случае, а в другом столбце.

В шестой строке снова различия и грамматические и лексические (словообразовательные). В грамматике: причастие действ. залога прош. вр. — аорист — аорист; в словообразовании: причастие от глагола с приставкой *въз-* — личная форма глагола того же корня с приставкой *по-* — та же личная форма глагола того же корня, но с приставкой *въз-*. Здесь же видим разницу в употреблении разделительных знаков: во втором столбце стоит точка перед союзом *и*, соединяющим два сказуемых; в третьем столбце перед тем же союзом *и*, употребленным в той же функции, точки нет. Возможно, постановка точки во втором столбце связана с наличием прямого дополнения (1а) в чтении 2 января.

В последней строке проявились различия грамматического характера и фонетико-грамматического. А именно, в плане грамматическом: сказуемое — соединительный союз *и* + сказуемое + прямое дополнение — соединительный союз *и* + сказуемое. В плане фонетико-графическом: в первом столбце отражено упрощение группы [*c+cm*]; во втором стб. не отражено это упрощение, но, наоборот, отчетливо показана словообразовательная структура слова (приставка *из-* + корень *цѣл-*); — в третьем стб. имеем то же, что и во втором.

Таким образом, если перевести на современный русский язык слово *недоужьныи* как 'больной', *малонедоужьныи* — как 'хворый', но за неимением средства оставить невыраженным противопоставление *малонедоужьныи* — *малонедоужьникъ* (что было бы 'хворый' и 'хворик', или как-то в этом духе), вторая часть текста М. VI 5 в каждом из трех столбцов может быть переведена так: 1) 'только хворых (хвориков), возложив руки, исцелил', 2) 'только положил руки на немногих больных и исцелил их', 3) 'только на хворых положил руки и исцелил'.

В следующем комплексном примере, относящемся к разным сторонам языка и письма, нетрудно увидеть реальное сосуществование и перекрещивание в рукописи разных объектов, подлежащих лингвистическому и текстологическому изучению. Текст И. XII 33 представлен

в Мст. в четырех чтениях: во вторник 6-й недели по пасхе, 21а (см. ниже первый стб.), в среду страстной недели на заутрени, 138г (см. второй стб.), на воздвижение, 167б (третий стб.), 23 февраля на память Поликарпа, 191в (четвертый стб.). Расхождения, о которых речь пойдет ниже, для удобства дальнейшего рассмотрения пронумерованы в скобках в первом столбце.

се же	се же	се же	се же
глаше (1)	глаголаше	глаше	глаше
знамена. (2, 3)	знамена.	кляла	назнаменава.
кою (4)	кою	кою	кою
съмъртию (5)	съмър'тию	съмъртию	съмър'тию
хоташе	хоташе	хоташе	хоташе
оумрѣти. (6)	оумрети.	оумрети.	оумрѣти.

Здесь видим шесть случаев, в которых так или иначе различия в орфографии, фонетике и грамматике, лексике и словообразовании представлены в повторяющихся чтениях, передающих один и тот же — И. XII 33 — текст. Для каждой строки сходное (а тем самым и различное) покажем условно знаками +, —, ×. (1) Слово сокращено под титлом (+), написано полностью (—). (2) Представлена одна лексема (+), другая (—), первая же, но с особенностями словообразования (×). (3) Перед придаточным предложением стоит разделительная точка (+), точки нет (—). (4) Над соседними «йотированными гласными» не стоит надстрочная точка (+), точка стоит (—). (5) Надстрочный знак «точка» стоит над *р* (в первом стб.) и между *р* и *т* (во втором и четвертом стб.), обозначая во всех этих случаях древнерусскую слоговость *р* в сочетании «редуцированный перед плавным между согласными» или наличие гласного призвучия после *р*, приведшее впоследствии в северозападных русских говорах к явлению так называемого второго полногласия. В третьем стб. надстрочная точка сдвинута вправо и стоит над *и*. Если здесь не описка, возникшая из-за беглости письма, то это написание может свидетельствовать о каком-то особом произношении напряженного редуцированного *и*. Выяснить фонетическое значение надстрочной точки в разных случаях можно только при анализе аналогичного материала во всей рукописи, который пока не проводился. (6) Южнославянская огла-

совка слова представлена в южнославянской же орфографии (+), оно же пишется через е, т. е. согласно русскому произношению (—). Если условные значки, показывающие разнообразные отмеченные выше различия, сгруппировать, то получается следующая наглядная схемка, в которой знак + условно обозначает какие-то факты первого стб., знак — — факты, отличающиеся от них, знак × — новые отличия:

(1)	+	—	+	+
(2)	+	+	—	×
(3)	+	—	—	—
(4)	+	—	—	+
(5)	+	+	—	+
(6)	+	—	—	+

Легко убедиться, что из разнородных фактов по реализации в том или ином чтении совпадают только 4-й и 6-й: при древнерусском написании *оумрети* через е (6) над соответствующими йотированными гласными (4) ставится точка. Является ли это закономерностями русской орфографии начала XII в. — вопрос, требующий специально направленного исследования, которое пока не проводилось. В целом же схемка наглядно свидетельствует о том, что разнообразные явления орфографии, фонетики, грамматики, словообразования и лексики в одном и том же тексте, написанном в Мст. по несколько раз, реализуются по-разному.

В рассмотренном примере каждый факт представляет интерес с точки зрения истории русского языка и письма. Но выводы по этим вопросам, естественно, могут быть сделаны лишь при наличии большого числа однолицных фактов и при отсутствии не объясняемых как-либо исключений. Лишь явления лексического характера и словообразовательные, если последние не связаны с фактами грамматического порядка, заслуживают попыток интерпретации даже в случаях, когда они представлены единичными примерами. В нашем примере это относится к различию (2): *знамена* — *клепла* — *назнаменава*.

К. Горалек считает *назнаменава* архаизмом, а *клепла* — особенностью тетров¹. Наши четыре примера не

¹ К. H o r á l e k. *Evangeliáfe a čtveroevangelia*. Praha, 1954, стр. 120.

подтверждают этого. Если Кириллом сначала был переведен праздничный апракос, то можно думать, что первоначальным было слово *кленла*, так как оно представлено в Мст. в чтении на воздвижение. Если первоначально был переведен краткий апракос, то судя по материалам Мст. (при условии, если Мст. сохраняет различие словаря своих составных частей, что может быть принято как рабочая гипотеза, ибо во всех случаях необходимо от чего-то отталкиваться), первичным должно быть *знаменаи*. Повторение этого слова в чтении заутрени страстной недели, безусловно, не первичное² и, как показывает материал Мст., взято из краткоапракосного (могло быть взято и из праздничного апракоса и из редакции тетра). Слово *пазнаменаи* в Мст. представлено в редковстречающемся чтении на память Поликарпа и, следовательно, могло заимствоваться из того источника, из которого и брались собственно полноапракосные чтения.

В заключение части статьи, посвященной разнообразным разночтениям в связанных отрывках повторяющихся чтений, приводим по Мст. текст Мт. XXV 1—13. В Мст. он представлен в двух чтениях: на субботу 17-й недели по пятидесятнице и на литургии во вторник страстной недели. По несчастному странному стечению обстоятельств об его наличии или исконном отсутствии в чтении на субботу в первоначальном кратком апракосе судить невозможно. В трех сохранившихся важнейших рукописях — глаголическом Асеманиевом ев., в кирилловских восточноболгарской Саввиной книге и русском Архан-

² В нашей работе «Новые данные об оригиналах русской рукописи 1092 г.» (см. «Источниковедение и история русского языка». М., 1964, стр. 87—108) доказывалось, что чтения заутрени страстной недели являются принадлежностью полного апракоса мстиславовского типа. Н. Б. Тихомиров в своем труде «Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI—XII веков, хранящихся в Отделе рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина» (Ч. III, дополнительная. — «Записки Отдела рукописей» [ГБЛ], вып. 30. М., 1968) на стр. 105—108 считает более вероятным, что полному апракосу предшествовал «краткий апракос с дополнениями из тетра», которые появились еще до полных апракосов. При расхождении во мнениях относительно появления на славянской почве полного апракоса оба автора едины в том, что чтения на заутрени в страстную неделю не были принадлежностью первоначального краткого апракоса.

гельском евангелии 1092 г. (первая часть его до л. 84 включительно представляет краткий апракос) — утрачены листы именно на стыке цикла чтений от пятидесятницы до нового лета (по субботам и воскресеньям читается только Матфей) и чтений, относящихся к циклу нового лета (по субботам и воскресеньям читается только Лука). Оба текста находим лишь в Остромировом (далее — ОЕ), представляющем один из ранних кратких апракосов в наших книгохранилищах. Нет чтения на субботу и в Македонском евангелии попа Йована, которое его издатель В. Мошин датирует концом XII — началом XIII в. После воскресенья 16-й недели по пятидесятнице в нем на л. 43об. следует сразу же заставка и чтение на субботу 1-й недели нового лета, причем ссылка для чтений на субботу и воскресенье 17-й недели явно поздняя по почерку и по размещению ее на листе: она заходит в рамку художественно выполненной заставки.

Все эти данные не позволяют с уверенностью причислять чтение субботы 17-й недели по пятидесятнице к первоначальному краткому апракосу, хотя в Остромировом оно уже представлено. Чтение литургии во вторник страстной недели должно было входить в первый перевод. Однако по приводимому ниже материалу легко можно убедиться, что даже и эти допознапракосные по своему происхождению чтения как в ОЕ, так и в Мст. представлены с существенными разночтениями разного характера и неодинаковой значимости. Покажем их на Остромировом евангелии.

Мт. XXV 1—13, сб.³ 17 по
пятидесятнице, л. 85в, г, 86а,
б, в:

Рече г҃ъ притѣчѣ
снѣж (1) подобно
къ црствнѣ не
весьнок. Десяти
дѣбѣ ѿ же прии

Тот же текст, чтение вт.
страстной недели на литургии
л. 148а, б, в, г, 149а:

Тогда оуподоби
сѧ црствнѣ не
весьнок. 1. дѣ
вѣ. ѿ же прии

³ Здесь и ниже употреблены следующие сокращения в обозначении чтений: пн., вт., ср., чт., пт., сб., вс. обозначают соответственно дни недели с понедельника по воскресенье. Помещенные в левом столбце цифры в скобках обозначают стихи XXV главы.

мѣша свѣтиль
ники своя. изи
доша противъ
женихоу. и не
вѣстѣ. (2) патъ же
бѣ отъ нихъ боу
и. и патъ мждръ
(3) боуѣа бо при
мѣша свѣтиль
ники своя. не вѣ
заша съ собож е
лѣа (4) а мждрыа
приѣша елѣи.
вѣ съсждѣхъ съ
свѣтильники
сеонми (5) моуда
цоу же женихоу.
въздрѣмаша са
вкса и съпаахъ
(6) полоуноци же
въпакъ бысть
се женихъ иде
тъ. исходите въ
сърѣтеникѣ кмѹ
(7) тогда вѣсташа
вкса дѣвы ты
и оукрашиша свѣ
тильники сво
ѣа (8) а боуѣа реко
ша мждрымъ
дадите намъ о
тъ олеѣа вашего
ѣко свѣтильни
ци наши оуга
сажтъ (9) отъвѣ
цаша мждры
ѣа глѣща еда
како не достане
тъ вамъ и намъ
идѣте же паче. къ
продажцимъ.
и коупите свѣ

мѣша свѣти
льники своя.
изидоша про
тивъ женихоу
и невѣстѣ па
тъ же отъ нихъ
бѣ боуи. и па
тъ мждръ. боу
ѣа бо. примѣ
ша свѣтильни
ки своя. не вѣ
заша съ собож
елѣа. а мждры
ѣа. вѣзаша елѣ
и вѣ съсждѣхъ
своихъ съ свѣ
тильники сво
ими моуда
штоу же жени
хоу. въздрѣма
ша са вкса и съ
паахъ полоуно
ци же. въпакъ
бысть се жени
хъ градетъ. и
сходите въ съ
рѣтеникѣ кмѹ
тогда вѣсташа
вкса дѣвы ты.
и оукрашиша
свѣтильни
ки своя а боу
ѣа. рекоша
мждрымъ.
дадите и на
мъ отъ олеѣа
вашего. ѣко
свѣтильни
ци наши оуга
сажтъ отъвѣ
цаша же мж
дрыа глѣща

(10) иджцамъ же имъ
 коупитъ. приде
 женихъ и гото
 выа вънидоша
 съ нимъ на бракъ.
 и затворены бы
 ша двѣри (11) послѣ
 дъ же. придоша
 и прочаѡ дѣвы
 глажца ги ги о
 твѣрзи намъ (12) о
 нъ же отвѣща
 въ рече аминъ
 глаж вамъ не вѣ
 мь васъ (13) вѣдите
 оубо. яко не вѣ
 сте дъне ни часа.
 въ нъ же сынъ чао
 вѣчьскыи при
 деть ✧. —

еда како не до
 станеть вамъ
 и намъ идѣте
 же паче къ про
 дажциимъ
 и коупите се
 вѣ иджцамъ
 же имъ коупи
 тъ. приде же
 ниухъ и гото
 выа вънидо
 ша съ нимъ на
 бракъ и затво
 рены быша
 двѣри послѣ
 дъ же придоша
 и прочаѡ дѣвы.
 глажца ги ги
 отвѣрзи намъ
 онъ же отвѣ
 щавъ рече аминъ.
 глаж вамъ
 не вѣдѣ васъ
 вѣдите оубо.
 яко не вѣсте
 дъни ни часа.
 въ нъ же сынъ
 чавчьскыи
 придетъ ✧. —

При внимательном сопоставлении обоих чтений, передающих один и тот же текст в ОЕ, легко заметить их большое сходство. Графика и орфография их одинакова (исключения — ниже) как при передаче старославянских, так и восточнославянских звукосочетаний и форм; даже слово **олѣи** — **елѣи** написано через **о** или через **е** в одном и том же тексте. Однако встретились следующие единичные различия в разных сторонах текста, языка и письма.

1) Разные начала текста в связи с неодинаковым положением его в чтении: в первом стб. в начале чтения, во втором — в середине его. Это — текстологическое различие.

2) Отсутствие одного из повторяющихся определений — наличие его: **въ съсѣдѣхъ съ свѣтильнику своими — въ съсѣдѣхъ своихъ съ свѣтильнику своими.**

3) Отсутствие усилительного союза — наличие его: **дадите намъ — дадите и намъ.**

4) Отсутствие усилительной частицы — наличие ее: **отвѣщаши мѣдрина — отвѣщаши же мѣдрина.**

5) Разный порядок слов: **патъ же бѣ отъ нихъ — патъ же отъ нихъ бѣ.**

6) Неодинаковое разбиение словосочетаний и частей предложения точкой, но судить о нем по изданию нельзя.

7) Разная лексика: **идеть — градеть**; словообразование: **принѣша — възѣша**. Заимствованное слово передается в русской огласовке — заимствованное слово транслитерировано: **аминъ — амин.**

8) Числительное написано полностью — передано буквенным символом: **десѣти — .і.**

9) Слова написаны полностью — сокращены под титлом: **дѣвы, чловѣчскыи — дѣы, члвчскыи.**

10) Употреблены разные формы (старая и новая) в окончании род. падежа ед. числа существительного **дѣнь: дѣне — дѣни.**

11) Употреблены разные формы (старославянская и древнерусская) 3 л. ед. числа наст. времени глагола: **идеть — градеть** (разные корни оговорены выше, см. п. 7).

12) Употреблены разные формы 1 л. ед. числа нетематического глагола **вѣдѣти: вѣмъ — вѣдѣ.**

13) Во втором стб. передано старославянское произношение суффикса причастия действ. залога наст. времени: **моудашоу — моудаштоу.**

14) Отсутствие буквы *і* в первом стб. — употребление ее для сокращения места во втором стб. в конце строки: **свѣтильн|кы.**

15) Более размашистый почерк (если это определение пригодно для письма уставом) и более свободное размещение букв в строке на л. 148—149, чем на л. 85—86, что ясно из числа строк, занятых для передачи одного и того же текста.

Из перечисленных отличий 1, 2, 3, 7, 8 и 12 повторяются в соответствующих чтениях Мст. Это позволяет

предполагать, что краткоапракосные чтения Мст. и ОЕ восходят к одному и тому же источнику. Однако этим источником для Мст. не было само ОЕ, так как эти чтения в обеих рукописях слишком различны (см. ниже). Можно было бы предположить, что различия одних и тех же чтений в Мст. и ОЕ сложились в промежуточных списках за 60 лет бытования памятника на Руси. Но то обстоятельство, что за этот же период различия между Мст. и ОЕ в чтениях от пасхи до пятидесятницы не оказались столь же велики (показать это на материале в настоящей статье невозможно), свидетельствует против предположения о непосредственной или хотя бы близкой связи приведенных выше чтений ОЕ и нижеследующих чтений Мст.

сб. 17 по пятидесятнице, 67 бвг:

Рече ꙗко притѣчю
 снѣ. подобно ꙗ
 сть ц(с)рствнѣ нѣсьной
 десяти дѣвѣ. ꙗ же при
 нѣмъша свѣтиланики
 свои изидоша противѣ
 женихоу и невѣстѣ. ꙗ
 ть же вѣ ѓтъ и ѓхъ боуи
 и ꙗтъ моудрѣ. боуи
 бо принимъша свѣтила
 ники свои не възаша съ
 собою елѣа. а моудрыя
 приаша елѣи въ съсоудѣ
 хъ съ свѣтиланики сво
 ими. моудрѣ же же
 нихоу въздрѣмаша съ
 всѣ и съпаахоу. полоуно
 ци же възпѣкъ высть се же
 нихъ идеть исходите въ
 сѣрѣтейнѣ юмж. тѣгда
 възставъша всѣ дѣвы ты
 и оукрашиша свѣтила
 ны свои. а боуиа рекоша
 моудрымъ дадите на
 мѣ ѓтъ елѣа вашего ꙗко
 свѣтиланици наши оу

вт. страстной недели
 на литургии. 136 вг:

тѣгда оуподоби сѣ ц(с)рство
 нѣсьной. ꙗ дѣвѣ и же при
 мѣше свѣтиланики сво
 и изидоша противоу же
 нихоу.
 ѣ. же вѣ ѓтъ ни хъ
 боуи вѣ а. ѣ. моудрѣ.
 вж
 ꙗ ꙗ бо принимъше свѣти
 лники свои не възаша съ
 собою масла. а моудрыя
 възаша масло въ съсоудѣ
 хъ своихъ. съ свѣтила
 ны своими. моудрѣ же
 женихоу въздрѣмаша съ
 всѣ и съпаахоу. полоуно
 ци же възпѣкъ высть се же
 ни хъ градеть изидѣте
 противоу юмоу. тѣгда
 възсташа всѣ дѣвы ѓны
 и оукрашиша свѣтила
 ны свои. боуиа же рѣша
 моудрымъ дадите и на
 мѣ ѓтъ масла вашего ꙗко
 свѣтиланици наши оуга

гасаютъ. ѡтъвѣщаша
моудрыа глѣше. ѣда ка
ко не достанеть вамъ ѿ
намъ. идѣте же паче къ
продаюцимъ и коупи
те себе. идоушамъ же ѿ
мъ коупитъ. приде же
нихъ. и готовыа вѣннѣ
доша съ нимъ на бракъ ѿ
зтворены быша двѣри.
послѣдъ же придоша и
прочая двѣ глѣше. гѣ гѣ
ѡтъвѣрзи намъ. ѡнъ же
ѡтъвѣщавъ рече. аминь.
глю вамъ не вѣдѣ васъ.
вѣдите оубо. яко не вѣ
сте днѣ ни часа. въ нѣ же
снѣ ча(о)вчскый придетъ.

саютъ. ѡтъвѣщаша моу
дрыа глѣше. ѣда како не
достанеть вамъ и намъ. и
дѣте же паче къ продаюци
намъ и коупите себѣ.
идѣ
шамъ же намъ коупитъ
приде женихъ и готовыа
съ игимъ вѣннѣдоша на бра
къ. и затвориша сѧ двѣ
ри. послѣди же придоша
и прочая дѣвы глѣше. гѣ
гѣ. ѡтъвѣрзи намъ. ѡнъ
же ѡтъвѣщавъ рече аминь
глю вамъ не вѣдѣ васъ.
вѣдите оубо яко не вѣсте
днѣ ни часа. въ нѣ же сынъ
ча(о)вчъ придетъ.

Приведенные повторяющиеся чтения Мст., передающие текст Мт. XXV 1—13, имеют следующие различия в добавление к различиям, рассмотренным выше и совпадающим с различиями ОЕ (см. выше п. 1, 2, 3, 7, 8, 12).

1) Текстологическое различие, заключающееся в опущении слова **невѣста** во втором стб.: **противъ женихоу и невѣстѣ** — **противоу женноу**.

2) Разный порядок слов: **готовыа вѣннѣдоша съ нимъ** (так и в ОЕ; расхождения в графике и орфографии не оговариваем) — **готовыа съ игимъ вѣннѣдоша**.

3) Разная фразеология: **исходите въ сѣрѣтеникъ кмоу** (так и ОЕ) — **изидѣте противоу кмоу**.

4) Разная лексика (кроме указанной в п. 3): **елѣа, елѣи, отъ елѣа** — **масла, масло, отъ масла**; **а** — же в сочетании **а боушамъ** (так и в ОЕ) — **боушамъ же**. (Сюда не относим написания **аминь**. | — **аминь**, различие в которых может быть обусловлено разными возможностями размещения букв на концах строк.)

5) Разное словообразование: **ц(с)рствикъ** (так и ОЕ) — **ц(с)рство**; **боуи** (так и ОЕ) — **боуивъ**; **ча(о)вчскыи** (так и ОЕ) — **ча(о)вчъ**; **послѣдъ** (так и ОЕ) — **послѣди**.

6) Разные, но употреблявшиеся в близкой функции части речи: **вѣставъша** — **вѣсташа** (так и в ОЕ).

7) Употребление разных залогов: **затворены быша двѣри** (так и ОЕ) — **затвориша сѧ двѣри**.

8) Употребление разных (старой и новой) форм аориста: **рекоша** (так и в ОЕ) — **рѣша**.

9) Употребление согласованного (жен. род) причастия и несогласованного (муж. род): **примѣша** (2 раза; в ОЕ — **примѣша**) — **примѣше**.

10) Употребление согласованного в жен. роде местоимения и с частицей **же** — употребление несогласованного местоимения, возможно, уже образовавшего союз **иже**: **дѣвъ ꙗже примѣша** (так и ОЕ) — **дѣвъ иже примѣше**.

11) Числительное написано полностью (так и ОЕ) — числительное передано буквенным символом: **пѧтъ** — **.Ѣ**.

12) Разные способы сокращения слова под титулом: **глаголюще** — **глаголюще**.

13) Расхождение в передаче этимологических слабых редуцированных: **ѣса** — **вѣса**.

14) В параллельных чтениях Мст. есть немало различий в обозначении мягкости согласных, в употреблении надстрочных точек в этом и других значениях, но мы эти факты опускаем, так как они были опущены выше при рассмотрении повторяющихся чтений ОЕ.

Далее различия текстологические, лингво-текстологические и чисто языковые, имеющиеся в параллельных чтениях Мст., покажем на документированных примерах, помещенных в разных частях Мст.

В некоторых случаях текст сокращен или, наоборот, расширен. Судить об этом с уверенностью нельзя даже и при использовании сводных изданий греческого евангелия, так как для последних привлекаются рукописи тетров, чтения же вообще не указываются.

Например, наиболее пространный текст Л. XXII 30 представлен в чтении на пн. сыропустной недели. л. 119а: **на трапезѣ можи въ цѣсарствѣ моимъ**. Усечение (м. б. изначальную краткость) — **на трапезѣ можи** — находим в чтении для заутрени в чт. страстной недели, 140г. Однако выше в этом же тексте (Л. XXII 30) обратное соотношение пространного и краткого вариантов: **и садете на двоу на десѧте прѣстолау соудацие** — 140г; **и садете на прѣстолахъ соудацие** — 119а.

Текст Мт. X 32 в пт. 2 (3) недели по пятидесятнице имеет вид: **вѣсь оубо иже исповѣсть ма** — 33б; но в 1-е вс. того же цикла читаем: **иже исповѣсть ма** — 29г.

Следующий пример (Л. VII 42) наглядно показывает, что сокращение (или распространение) могло проходить параллельно: **не имоуцѣма же има въздати обѣма отъда. котерый оубо начѣ възлюбить и.** — пн. 4-й недели нового лета, 77а; **не имоуцѣма же има чкъсо въздати обѣма има отъда. котерый оубо къ възлюбить и.** — 16 сентября, 168г, т. е. в чтении на пн. отсутствуют прямое дополнение (**чкъсо**), косвенное дополнение (**има**), но имеется обстоятельство образа действия (**начѣ**), отсутствующее в чтении 16 сентября. (В этом примере обращает на себя внимание одинаковая расстановка точек при сравнительно свободной передаче текста.)

Повторяющиеся чтения Мст. содержат немало текстологических различий, выраженных лексическими средствами.

Например, Мт. X 18: **прѣдъ вѣдкы** ('перед владыками') — ср. 2 (3) недели по пятидесятнице, 32г; **прѣдъ чл(о)вкы** ('перед людьми') — 1 августа, 202г. Причина такой замены лежит, видимо, в неязыковой сфере: в невнимательности писца, плохой освещенности переписываемого текста, сильной изношенности оригинала и т. п.

В тексте Мт. XXII 23 прямо противоположный смысл возник не только по невниманию писца Мст. (или какого-то его предшественника, работавшего над промежуточным списком), но и по непониманию всего объема семантики слов: **садоукен** — читаем в пт. 9 (10) недели по пятидесятнице, 49г; **фарисен** — на заутрени во вт. страстной недели, 133в.

Мт. XXIV 43: **гъ** ('господин') **вашъ придетъ** — пт. 10 (11) недели по пятидесятнице, 53а и сб. 16-й недели того же цикла чтений, 66в; **татъ (!) придетъ** — на литургии во вт. страстной недели, 136а и 30 сентября, 170в.

М. XV 46: **въложи и (т. е. Иисуса) въ гробъ** — 3-е вс. после пасхи, 9б; **въложи къ (т. е. тело) въ гробъ** — 10-е страстное евангелие, 156б.

Л. X 23: **и обративъ сѧ къ оученикомъ кдинъ рече** (и обратившись к ученикам, один, сказал) — пн. 6-й недели нового лета, 80в; **и обративъ сѧ къ оученикомъ кдинѣмъ рече** (и обратившись только к одним ученикам сказал) — 16 августа, 205а.

И. XX 20: **показа имъ роуцѣ и ребра свои** — 2-е вс. после пасхи, 6а; **показа имъ роуцѣ и нозѣ и ребра**

своа — 9-е утреннее воскресное евангелие, 210в. Во втором случае к слову *руки* добавлено *ноги*.

В тексте Мт. XX 9 представлен особый случай введения в форму глоссы повторно написанного словосочетания: *възаша по сребръникуу* — ср. 8 (9) недели по пятидесятнице, 47а; *възаша по сребръникуу и приаша по пѣнѣзю* — 9 марта, 193бв.

Приведенные примеры интересны более с точки зрения содержания, чем языкового выражения. Но два последних важны также для изучения фразеологии и лексики.

Следующий пример (Л. IX 54) также важен по содержанию, но не менее существен он и для характеристики языка, так как позволяет судить не только об употреблении двойств. числа, но и о построении фразы при определенных лексико-грамматических отношениях: *хощещи ли и речешѣ. да огнь сънидеть съ нѣсе и поѣсть и* — чт. 5-й недели нового лета, 80б; *хощещи ли да речешѣ огню сънити съ нѣсе и поѣсти и* — 16 августа, 204г. В этом же плане можно рассматривать текст Л. XXII 37: *глаголю во вамъ. яко юще писаноу се подобаетъ да съкончатъ сѧ о мнѣ* — пн. сыропустной недели, 119б; *глаголю во вамъ яко еще семуу писаноуоумоу подобаетъ съкончати сѧ о мнѣ* — заутреня в чт. страстной недели, 141а.

Некоторые замены слов в одном из параллельных чтений сразу же выдают родину своих авторов. К таким, например, можно отнести слово *гнѣздо* в значении 'дети', 'детеныши' (ср. прозвище сына Юрия Долгорукого — Всеволод Большое Гнездо, т. е. отец многочисленного семейства) в тексте Л. XIII 34: *въсхотѣхъ събрати чада твоа. яко же кокошъ гнѣздо свое подъ крилѣ* — пт. 8-й недели нового лета, 88г, вместо представленного в древнейших рукописях слова *птеньца*: *въсхотѣхъ събрати чада своа яко кокошъ птеньца своа подъ крилѣ* — 19 ноября, 175г.

Явно не на болгарской почве произошла замена глагола в тексте М. VI 8: *и запрѣти имъ* — 25 апреля, 195в; *заповѣда имъ* — ср. 14 (15) недели по пятидесятнице, 62в. Заменить *запрѣтити* глаголом *заповѣдати* мог только писец, осмыслявший его не как повеление что-то сделать (ср. болгарское *заповядайте* — пожалуйста, пожалуйста

войдите, будьте гостем, например), но воспринимавший слово **заповѣди** как 'запреты'.

Интересны параллельные чтения текста М. VII 24: **въ предѣлы сурьскы** — ср. 15 (16) недели по пятидесятнице, 65г; **въ предѣлы турьскы** — читаем рядом при повторении этого текста в четверг здесь же на л. 65г. Это могло быть ошибкой по невнимательности, но ср.: Суръ — арабское наименование города Туръ (Тир)! Пример может оказаться важным вкладом в изучение древних русско-палестинских связей, предпринятое в свое время А. В. Елисеевым (связей через Кавказ, Малую Азию и Сирию).

Лишь очень малое число разночтений при передаче одного и того же текста не может быть объяснено с точек зрения языковой, графической, палеографической, текстологической... Таково, по-видимому, слово **дарованиѣ** в тексте Л. VII 22: **и отвѣщаякъ їскъ рече има. шкъдъша възеѣстита** — 10 января, 187в и 24 февраля, 191г; **и отвѣща дарованиѣ шкъдъша възеѣстита** — чт. 3-й недели нового лета, 75г. Слово **дарованиѣ** здесь можно было бы объяснить тем, что писец, отвлекшись во время работы, включил в текст это слово со слуха (значит, в помещении, где он писал, кто-то произнес это слово? Следовательно, оно было в живом языке? И. И. Срезневский в Материалах отметил его в Изборнике 1073 г. и в Пандектах Антиоха). Еще пример, который не можем объяснить — И. I 51: **и рече кмж. занѣ рѣхъ. іако видѣхъ тѣ** — ср. 1-й недели по пасхе, 4в; **и рече кмюу имъ же рекохъ ти видѣхъ тѣ** — вс. 1-й недели поста, 124г.

В нашем распоряжении имеется около 100 стр. машинописи минимальных контекстов с различиями разного рода, выявленными только в повторяющихся чтениях Мст. В настоящей статье мы имеем возможность указать лишь разные типы их с тем, чтобы привлечь внимание лингвистов разных профилей, а также текстологов к изучению параллельных чтений в других памятниках древнерусской письменности.

Большую группу составляют существительные, образованные от разных корней. Среди них такие как **врѣгъ** — **краи**, **ведро** — **тишина**, **въсходьница** — **горьница**, **господь** — **господинъ**, **господь** — **богъ**, **жадание** — **хотѣниѣ**, **иго** — **иремъ**, **клевреть** — **дрогъ**, **наслѣдик** — **причастнѣ**, **на-**

слѣдникъ — причастникъ, скръь — печаль и многие другие. Немногим меньше различий в словообразовании существительных одного и того же корня, например: въскрьсеник — въскрьшеник, дѣло — дѣшаник, приходъ — пришьствик, невѣрованик — невѣрьствик, мудрость — прѣмудрость, оумъ — разоумъ. Менее многочисленны прилагательные, образованные от разных корней или с помощью разных словообразовательных элементов. Не так много по составу лексем различий в наречиях. Различия, состоящие в употреблении в параллельных чтениях глаголов разных корней, довольно многочисленны, но глаголов, различающихся словообразованием при общности корня, в два раза больше.

В параллельных текстах отражено становление некоторых глаголов-терминов, например: ити или имѣти вѣроу — вѣровати, десатину имати — отъдесатьствовати, въ чрѣвѣ имѣти — (быти) непраздью. Сюда в какой-то степени относятся различия, состоящие в употреблении сложного слова в одних чтениях и простых слов в других, например: законоучитель — законникъ, а также противопоставление словосочетаний отдельным словам, например: мимо ити — прѣйти, въ ближнихъ своихъ — въ роженни, на оутри дньсь — заоутра, преже рѣхъ — прорекохъ и др.

Немало различий лексико-синтаксических. Прежде всего они состоят в употреблении в параллельных чтениях слов, относящихся к разным частям речи. В этих случаях единство семантики текста обеспечивается только значением корневого элемента. Например, отъ вносандьска града — отъ вносанды отъ града, до кръви захаринны — до кръве захарна, правдънын — правдъникъ, знамении времяньныи — знамении времяньмъ и т. п. Много различий в области глагольного управления. Параллельные тексты позволяют судить о структуре простого и сложного предложения, о разном употреблении союзов, о прямой и косвенной речи и т. д. и т. п.

Имеется материал для выявления употребления и роли разделительной точки. Как известно, проблема эта еще не решена и даже не поставлена со всей остротой. Обычно считается, что в interpunkции древних рукописей не представлена какая-либо система. Однако повторяющиеся чтения Мст. свидетельствуют, что при свободной передаче текста, при минимальных синтаксических и словообра-

кто — М. V 31, 4 декабря, 176г;

кто отъ нихъ мьнит сѧ боли Л. XXII 24, чт. стрст. утр., 140в;

кто оубо боли ксть — Л. XXII 26, чт. стрст. утр., 140г;

ча(о)вкъ нѣкто — Л. XV 4, 1 апреля, 194г;

которыи — Мт. XXI 31, пн. стрст. утр., 131в; котерыи — там же, 3 января, 184а;

которыи оубо вждеть отъ нихъ — Л. XXII 23, чт. стрст. утр., 140в;

котерыи — Л. VII 42, 16 сентября, 168г;

никотерыи — Л. IV 24 на бездожде, 212в;

зъванъ боудеши нѣкымъ на бракъ Л. XIV 8, пн. 9 н. л., 89г;

нѣкыи отъ книгъчии — Л. XI 45, ср. 7 н. л., 85а;

нѣкому мимоходащю — М. XV 21, 3 час, 158а;

и нѣции отъ стоащиихъ — М. XV 35, 3 час, 158в и 16 октября, 172в;

нѣкыи — Л. VII 2, 22 июля, 202а;

нѣкыи — Мт. XXII 35, вс. 15 по пд., 64а;

нѣкыи — М. XV 36, 3 час, 158в;

нѣкто — там же, пн. 14 (15) по пд.⁴, 62а;

кыи мьнит сѧ быти ихъ боли — там же, пн. сыр., 118г;

кыи оубо боли — там же, пн. сыр., 119а;

кыи ча(о)вкъ отъ васъ — там же, ср. 9 н. л., 90г;

кыи — там же, ср. 9 (10) по пд., 49в;

кыи оубо вждеть отъ нихъ — там же, пн. сыр., 118г;

которыи — там же, пн. 4 н. л., 77а;

никотерыи — там же, пт. 1 н. л., 71в;

зъванъ боудеши кымъ на бракъ — там же, сб. 13 н. л., 102а;

нѣкто отъ книгъчии — там же, 17 декабря, 178а;

инькому мимоходащю — там же, 6 стрст. ев., 153г;

и ниин отъ стоащиихъ — там же, пт. мяс., 116бв;

инькыи — там же, вт. 4 н. л., 77в;

кдинъ отъ нихъ — там же, вт. стрст. утр., пд. 133г;

кдинъ — там же, пт. мяс., 116в и 16 октября, 172г;

⁴ Ниже, кроме сокращенных наименований дней недели, употребляются следующие сокращения при обозначении чтений: по п. — по пасхе, по пд. — по пятидесятнице, н. л. — нового лета, мяс. — мясопустная неделя, стрст. — страстная неделя; цветн. — цветная неделя, лит. — литургия, утр. — утренняя, ев. — евангелие, стрст. ев. — страстное евангелие, вскр. ев. — воскресное евангелие.

нѣци — Мт. XVI 28, 4 нояб-
ря, 174г;

нѣци — Мт. XXVII 47, пт.
стрет. лит., 161г;

и друугыя многы — Л. VIII
3, 22 июля, 202а;

въ друугую вьсь — Л. IX
56, 16 августа, 205а;

ѣдиного ... а друугаго —
Мт. XXVII 38, пт. стрет.
лит. 161б;

ѣдиного ... а друугаго —
М. XV 27, 6 стрет. ев., 154а;

ѣтери отъ насъ — Л. XXIV
24, 5 вскр. ев., 208г;

дрѣзи — там же, чт. 7 (8)
по пд., 44в;

друѣзи — там же, 7 стрет.
ев., 154г;

и ны многы — там же, вт.
4 н. л. 77в;

въ иноу вьсь — там же, чт.
5 н. л., 80в;

ѣдиного ... и ѣдиного —
там же, 7 стрет. ев., 154б;

ѣдиного ... и ѣдиного —
там же, 3 час, 158б;

ѣдини отъ насъ — там же,
вт. 1 по п. 3в.

Отметим краткую и полную формы местного падежа местоимения **кын**, которая, возможно, свидетельствует и о разной исходной форме:

ни о комъ — Мт. XXII 16,
вт. стрет. утр., 133б;

ни о кокмъ — там же, сб.
13 по пд., 57г.

Многочисленны примеры взаимной замены местоимений **вьсь** и **вьсакъ** (в значении 'всякий', 'любой'), которые представлены в сочетании с самыми разными существительными:

всакъ зъльк глѣ — Мт. V 11,
14 января, 188в;

всако древо добро — Мт.
VII 17, 13 октября, 172б;

всако древо — Мт. VII 19, 13
октября, 172б;

не всакъ глаи мнѣ — Мт.
VII 21, 13 октября, 172в;

всакоу (пазю или болѣзнь) —
Мт. X 1, 1 ноября, 174б
и 30 июня, 200г;

всакъ недоугъ — Мт. X 1,
1 ноября, 174б и 30 июня,
200г;

вьсь зълькн глѣ — там же,
вт. 8 по н. (1 по пд.), 28б;

все древо добро — там же,
вт. 1 (2) по пд., 30в;

вссе бо дрѣво — там же,
вт. 1 (2) по пд., 30г;

не вьсь глаи мнѣ — там же,
вт. 1 (2) по пд., 30г и ср.
1 (2) по пд., 30г;

всю (болѣзнь) — там же,
пн. 2 (3) по пд., 32б;

вьсь недоугъ — там же, пн.
2 (3) по пд., 32а;

штѣ всакого (племени) — Мт. XIII 47, пт. 5 (6) по пд., 40в;

всаакъ книжникъ — Мт. XIII 52, 3 октября, 171а;

въ всаакъ градъ — Л. X 1, пт. 5 н. л., 80в и 4 сентября, 165а;

всаакъ во проси — Л. XI, 12 декабря, 177г;

всаакъ иже исповѣсть ма — Л. XII 8, 25 октября, 173г;

всаакъ иже речеть — Л. XII 10, 25 октября, 173г;

отъ всего (рода) — там же, 3 октября, 170г;

всь книжникъ — там же, пт. 5 (6) по пд., 40г;

въ вса грады — там же, 11 июня, 197г;

всь проси — там же, вт. и ср. 6 н. л., 82в и 82г;

всь иже исповѣсть ма — там же, пт. 7 н. л., 85а;

и всь иже речеть — там же, пт. 7 н. л., 86а.

Богато представлены в параллельных чтениях различия местоимений **сь** и **тъ** и производные от них:

се же вѣдите — Мт. XXIV 43, вт. стрет. лит., 136а и 30 сентября, 170в;

вса си — Мт. XXIII 36, 5 января, 165г;

сево всего — Мт. VI 32, вс. 3 по пд., 34в;

сево (ради) — Мт. XIII 52, 3 октября, 171а;

сима же отъходящема — Мт. XI 7, пн. 3 (4) по пд., 34г;

всѣхъ бо сиухъ — Мт. VI 32, вс. 3 по пд., 34в;

своѣ — Мт. XXV 25, вт. стрет. лит., 137б;

ты ... братию свою — Л. XXII 32, чт. стрет. утр., 119а;

прѣиде отъ сядоу — Мт. XI 1, пт. 2 (3) по пд., 33в;

прѣиде отъ сядѣ — Мт. XIII 53, 3 октября, 171а;

то же вѣдите — там же, пт. 10 (11) по пд., 53а и сб. 16 по пд., 66в;

все то — там же, ср. 10 (11) по пд., 52а и вт. стрет. утр., 135в;

всево того — там же, пн. 1 (2) по пд., 30б;

того (дѣла) — там же, пт. 5 (6) по пд., 40г;

тѣма же отъходящема — там же, 24 февраля, 192б;

всево бо того — там же, пн. 1 (2) по пд., 30б;

твоѣ — там же, вс. 16 по пд., 67а;

ты ... братию твою — там же, пн. сыр., 119а;

прѣиде отъ тждоу — там же, сб. 7 по пд., 43б;

прѣиде отъ тждоу — там же, пт. 5 (6) по пд., 40г.

При рассмотрении этих примеров могут быть полезны и нижеследующие, в которых местоимения **сь** и производные или опускаются, или заменяются разными другими местоимениями (но не **тъ** и его производными):

тако же се бо ксть — Мт. VII 12, 13 октября, 172б;
вѣ сандалиа свои — М. VI 9, 25 апреля, 195в;

приати плоды свои — Мт. XXI 34, пн. стрет. утр., 131в;

вѣ храмѣ своимъ — Мт. XXIV 17, пн. стрет. лит., 132в;

(по дѣломъ) своимъ — Мт. XVI 27, чт. 7 (8) по пд., 44в;

видѣвъ же ісѣ наоанана градоуца къ себѣ — И. I 48, вс. 1 поста, 124в;

тоꙗкоудоу се ксть семоу — М. VI 2, 2 января, 183б и вт. 14 (15) по пд., 62а (но: семъ);

сѣде хсѣ или сѣде — Мт. XXIV 23, чт. 10 (11) по пд., 52в;

тако бо ксть — там же, пн. 1 (2) по пд., 30в;

вѣ сандалиа — там же, ср. 14 (15) по пд., 62в;

приати плодъ юго — там же, вс. 13 по пд., 58а;

вѣ храмнѣ юго — там же, чт. 10 (11) по пд., 52б;

(по дѣланню) юго — там же, 4 ноября, 174г;

видѣвъ же ісѣ наоанана градоуца къ юмоу — там же, ср. 1 по п., 4б;

отꙗкоудоу се ксть кмъ — там же, 19 июня, 198б;

сь сѣде хсѣ или онѣде — там же, пн. стрет. лит., 132г.

И, наконец, противоположный пример: местоимение **тъ** при отсутствии соответствующего ему обычно **сь**:

вса дѣвы — Мт. XXV 7, вт. стрет. лит., 136в;

и онъ — Л. XI 7, 12 декабря, 177в;

глаше же и тѣмъ — М. VI 4, 19 июня, 198в и 2 января, 183в;

вса дѣвы ты — там же, сб. 17 по пд., 67в;

и тѣ — там же, вт. 6 н. л., 82в;

глаше же имъ — там же, вт. 14 (15) по пд., 62б.

Среди особенностей употребления местоимений отметим соответствие **самн** — **мы**, а также широко представленное в древнейшей славянской письменности **чѣсо** — **чѣто** и формы род. падежа от них:

и сами оставаемъ — Л. XI 4, 12 декабря, 1776в;
ничсо же ли не отъвѣщавакши — Мт. XXVI 62, чт. стрст. лит., 144а;
ничсо — М. VI 8, ср. 14(15) по пд., 62в;
ничто же ксть — Мт. XXIII 15, вт. стрст. утр., 134г;
ничто же — Л. X 19, 18 октября, 173а;
еда чсо лишени высте они же рекоша ничсо же — Л. XXII 35, чт. стрст. утр., 141а;

и мы оставаемъ — там же, вт. 6 н. л., 82б;
ничто же ли не отъвѣщавакши — там же, 3 стрст. ев., 150г;
ничто — там же, 25 апреля, 195в;
ничсо же ксть — там же, пн. 10(11) по пд., 51а;
ничсо — там же, сб. 10 н. л., 94б;
еда чсо лишени высте. они же, рекоша ничесо же — там же, пн. сыр., 119б.

Встречаются примеры употребления энклитических форм местоимений наряду с полными:

ма...ма — И. XII 45, ср. 6 по п., 21в;

мене...ма — там же, ср. стрст. утр., 139б.

Замена формы вин. ед. местоимения и формой род. падежа представлена примерами:

не вѣроваахѹ въ нь — И. XII 37, ср. 6 по п., 21б;
да и распноуть — Мт. XXVII 26, 1 час, 157в;

не вѣроваахѹу въ нго — там же, ср. стрст. утр., 139а;
да нго распноуть — там же, пт. стрст. лит., 161а и 5 стрст. ев., 153в;

и всего иже въспросите — Мт. XXI 22, пн. 9(10) по пд., 49а;

и всего нго же аще въспросите — там же, пн. стрст. утр., 131а.

В качестве примера укажем здесь употребление в параллельных чтениях одного и того же текста слов **иже** и **иже**. Они могут быть квалифицированы как местоимения и **и** **и** в сочетании с частицей **же**, но, видимо, правильнее их уже считать союзами и рассматривать среди синтаксических явлений, отраженных в Мстиславовом ев.:

иже аще мене прикмаеть — М. IX 37, 20 декабря, 178г.;

и иже аще мене прикмаеть — там же, пт. 13 н. л., 101в;

**НИКТО ЖЕ БО КСТЬ ИЖЕ СЪТВО-
РИТЬ СИЛОУ** — М. IX 39, пт.
13 н. л., 101в;

**НИКТО ЖЕ БО КСТЬ ИЖЕ СЪТВО-
РИ СИЛОУ** — там же, 20 де-
кабря, 178г.

Особо отметим употребление параллельных форм ед. —
множ. числа для местоимения **всьь**, что широко пред-
ставлено и в других древнейших славянских памятниках:

вЪЗВѢСТИША КМОУ ВСА —
М. VI 30, 29 августа, 206в;

И СИ ВСА ПРИЛОЖАТ СА —
Мт. VI 33, вс. 3 по пд., 34в;
ВСА КАНКО ХОЩЕТЕ — Мт.
VII 12, 13 октября, 172б;

**ВСА КАНКО АЩЕ МОЛАЩЕ СА
ПРОСИТЕ** — М. XI 24, 9 де-
кабря, 177а;

ВЪСА МИѢ ПРЕДАНА СОУТЬ —
Мт. XI 27, 20 января, 188г;
РАЗОУМѢСТЕ ЛИ ВЪСА СИ —
Мт. XIII 51, 3 октября, 171а;
ОУСТРОИТЬ ВСА — Мт. XVII
11, 20 июля, 201г;
ПРИДОУТЬ ВСА — Мт. XXIII
36, 5 января, 165г;

ВЪСА ЖЕ СИ — Мт. XXIV 8,
пн. стрет. лит., 132б;
(ОУЗЪРИТЕ) ВЪСА СИ — Мт.
XXIV 33, пн. стрет. лит.,
133б;

ТЫ ВСА ВЪСИ — И. XXI 17,
11 вскр. ев., 211г;

ПОДОБАЖЕТЬ БО ВСѢМЪ БЫТИ —
Мт. XXIV 6, пн. стрет. лит.,
132б;

И О ВСѢХЪ — Л. III 19, 9 ян-
варя, 187б;

ВСѢМИ — Мт. XXIII 20, вт.
стрет. утр., 134г;

вЪЗВѢСТИША КМОУ ВСЕ —
там же, чт. 14 (15) по пд.,
62г;

СЕ ВСЕ ПРИЛОЖИТ СА — там
же, пн. 1 (2) по пд., 30б;
**ВСЕ ОУБО КАНКО АЩЕ ХО-
ЩЕТЕ** — там же, пн. 1 (2) по
пд., 30в;

**ВСЕ КАНКО АЩЕ МОЛАЩЕ СА
ПРОСИТЕ** — там же, ср. 15 н.
л., 106а;

ВСЕ МИѢ ПРЕДАСТЬ СА —
там же, чт. 3 (4) по пд., 35б;
РАЗОУМѢСТЕ ЛИ ВСЕ СЕ —
там же, пт. 5 (6) по пд., 40г;
ОУСТРОИТЬ ВСЕ — там же,
пт. 7 (8) по пд., 44г;

ПРИДЕТЬ ВСЕ — там же, ср.
10 (11) по пд., 52а и вт.
стрет. утр., 135в;

ВСЕ ЖЕ — там же, сб. 15
по пд., 64а;

ВСЕ СЕ — там же, пт. 10 (11)
по пд., 53а;

ТЫ ВСЕ ВЪСИ — там же, сб.
7 по н., 25г;

**ПОДОБАЖЕТЬ БО ВСЕМОУ ТО-
МОУ БЫТИ** — там же, сб.
15 по пд., 63г—64а;

И О ВСЕМЪ — там же, пн.
1 н. л., 70а;

ВСѢМЪ — там же, пн. 10 (11)
по пд., 51б.

Функционирование в Мст. того или иного местоимения и любого другого слова в разных значениях, в разных контекстах, в разных составных частях полного апракоса может быть исследовано только на полном материале Мст. (и любой другой рукописи, содержащей повторно написанные тексты). Следовательно, для детального анализа значения каждого компонента, по-разному реализованного в повторяющихся чтениях, необходимо выявить в с е случаи употребления слова в рукописи, т. е. не только в повторяющихся чтениях, где они представлены в более или менее идентичных контекстуальных условиях (следует иметь в виду, что иногда замена одного слова может изменить в той или иной степени смысл контекста и это в свою очередь потребует замены последующих слов или форм), но и в текстах, написанных по одному разу. Последние, естественно, преобладают в Мст., как и любой другой рукописи. Поэтому только предварительно составленный словоуказатель к Мст. (и любой аналогичной рукописи) даст возможность провести семантический анализ каждого слова и его наиболее близких связей с другими словами многокомпонентной цепи, состоящей из сложных и разнообразных звеньев. Возможно, что некоторые семантические особенности употребления слов, лексических дублетов и слов-синонимов выявятся не только при анализе славянских контекстов, но и греческих. Не исключено, что употребление в идентичных контекстах того или иного слова связано с работой отдельных писцов рукописи, с разными оригиналами или с особенностями промежуточных списков, к которым так или иначе восходят, например, отдельные части полного апракоса (в том числе и Мст.). Разница языка параллельных чтений, следовательно, может стать ясной в свете иноязычной (инодиалектной) основы, которая проявилась в разных частях Мст. (или другой рукописи, содержащей повторно написанные в ней тексты) в соответствии с самой сложной в текстологическом отношении историей (на Руси и в других славянских странах) полного апракоса вообще и отдельных его списков (в частности, самого Мст.). В отдельных заменах слов и выражений можно было бы видеть стилистическую работу писцов, однако для такой квалификации текстов, отдаленных от нашего современного языкового сознания многими веками, трудно найти твердые основания.

Таковы соображения, возникающие при рассмотрении в параллельных чтениях отдельной лексико-грамматической группы слов (в данном случае — местоимений). В основном эта же проблематика стоит перед исследователем и при изучении других языковых фактов.

На основании всего изложенного ясно, что повторяющиеся тексты в древних и средневековых рукописях являются важным лингвистическим источником. Их анализ представляет существенный интерес прежде всего в плане выявления самых разнообразных расхождений в системе палеографии, графики, орфографии, фонетики, морфологии, синтаксиса, словообразования и лексики. Но только последующий текстологический и лингвистический анализ тех же явлений по всей рукописи, содержащей повторяющиеся чтения, с привлечением других списков этого же памятника позволит по возможности однозначно и правильно интерпретировать расхождения.

Рукописные списки памятников древней письменности хранят для нас много фактов письма и языка, которые можно квалифицировать с точек зрения языковой и диалектной принадлежности, хронологической соотнесенности явлений, функционирования в системе литературного языка того времени и т. п. Для того чтобы лингвистические выводы об истории русского языка в разных ее аспектах перестали быть умозрительными (последним особенно грешат историки литературного языка), необходимо опираться прежде всего и главным образом на сохранившиеся древнерусские рукописи XI—XIV вв. Эти рукописи имеют важнейшее значение не только для истории русского, но и истории других славянских языков (как разговорных, так и литературных), ибо они отражают языковые напластования разных местных диалектов и разных эпох в развитии языка, так или иначе проявившиеся в протографе и в промежуточных списках, предворявших дошедшие до нас.

Повторяющиеся чтения отражают ту же историю и содержат те же факты, но интерпретация их требует непременно проведения глубокого текстологического анализа. Несмотря на очевидность этого положения мысль о необходимости текстологических работ для истории языка пробивает себе дорогу с большим трудом и реализуется пока лишь в единичных случаях.